

Принесли мне тут как-то новый журнал, начавший выходить в Нижнем Новгороде. Принесли с запозданием, да, как я понял позже, не случайно, а с умыслом. Видно, хотели лишний раз меня «зацепить», чтоб не болно в своих требованиях к коллегам-литераторам был строг. Только получилось всё наоборот. Прочитал я указанную мне в этом журнальчике заметку и от всей души расхохотался. Да не абы как, а чуть не до слёз. Вот уж повеселил меня автор, так повеселил.

И заметка-то, прямо надо сказать, пустяшная. Но так в ней господин «литератор» раскрылся (прямо до самых, как у нас говаривали ещё не так давно, печёнок, до самой глубины своего дремучего невежества), что куда там современным пересмешникам. Нет, и они бы не сдюжили, не смогли бы так высмеять нашего «героя», как высмеял тот себя сам.

Ну, посудите сами – разве ж кому-то в здравом уме и трезвой памяти (хоть пусть он и считает себя в местной провинциальной литературе величайшим из великих) придёт в голову ставить себя и свои убогие мыслишки, кои, как я думаю, не всякая районная газетка решится опубликовать, выше произведений Ивана Алексеевича Бунина. Ведь это ж позор несмываемый на себя навести – никак не иначе. Ведь и сто лет пройдёт, а кто-то дотошный всё ж раскопает эту публикацию, и ужаснётся. А потом и посмотрит в газетке – кто же это был её редактором, что такую пошлость на страницы своего издания допустил? Ведь автор-то в своих мечтаниях, может, и ставит себя выше классика мировой литературы, да только это ж всё химера-с, туманец, заблужденье-с, так сказать, незрелого ума, разыгравшегося болезненного воображеньица-с. Но редактор журнальца, видимо, суда потомков не боится. И правильно, родимый, делает. Иначе как бы мы получили такое удовольствие, которое сейчас в полной мере и совершенно безвозмездно для нашего кармана (журнальчик издаётся за счёт бюджета областного правительства) имеем.

Да уж не буду лишнего томить вас, дорогой моему сердцу и нетерпеливый интеллигентнейший наш читатель. Всё как есть, всё, что имею сказать вам, сейчас же и без всякой задержки объясню.

Речь я свою нескладную веду о недавно опубликованных в том самом новом нижегородском журнальчике «Пяти страничках из дневников Владимира Седова (2014) – Ивана Бунина (1919)». И не думайте, что я тут допустил ошибку, или как-то по злобе своей неизбывной исказил название опубликованного в журнальце материальца. Ничуть-с! Истинно так и стоит – сначала Седов, надо полагать с уверенностью, что имя

этого «писателя» читателям, без всякого сомнения, известно более, чем имя второго, какого-то там Бунина. Потому мыслищи первого и подкрепляются, подвёрстываются внизу, в подвальчике-с, записями второго.

Первый, то бишь Седов, говорит о великом, глобальном, например, о том, как он посетил нижегородское «шоу» Comedy club, и был настолько расстроен увиденным и услышанным («На сцене небритое, невымытое полусонное слабо говорящее на человеческом языке существо... (Вот он, образ-то, вот она великая проза великого художника слова! – В.С.) Анекдоты, мат, сиськи, письки...»), что в глубоком гневе своём не стал наш «писатель» дарить «говорящему на человеческом языке существу» своей великой книги «Зелёное пальто». Так прямо безжалостно и написал – как отрезал: «Приносил свою новую книгу «Зелёное пальто». Не отдал».

Вот теперь и гадайте, любезные читатели, как «небритое, невымытое полусонное слабо говорящее на человеческом языке существо» сможет жить без новой книги Седова. Никак не сможет-с! Ему только теперь и остаётся, что ложись да помирай. Ведь великих строк оно прочитать уже не в состоянии, приобщиться, так сказать, к культурке, услышать истинно человеческую речь не получится.

Вы, может быть, подумали, что я что-то упустил в заметке нашего «писателя». Мол, нельзя же назвать, в истинном смысле этого слова, произведением то, что я вам только что процитировал. Ну почему же нельзя? Вот главный редакторец журнальца уверен, что так оно и есть – истинно произведение литературы. И я разве ж посягнул бы, посмел что-то из этого произведения упустить? Да ни в жизни! Я ж понимаю, с чем имею дело. Сам-то нет-нет, да книжки почитываю. А тут возьму, да этакой силищи мысли-с утаю. Это ж преступление перед потомками – и никак не иначе-с. К тому же за этими мыслищами, переживаниями какая силища духа видится! Ведь вот книгу-то – не отдал!

Конечно, после таких строк Седова Бунин как-то «не дотягивает», как-то он, родимый, мелковат, что ли? Только что и годится его текст, написанный в самые страшные послереволюционные времена, на «подвёрстку» нынешних «глубинных» рассуждений современного автора. Вот что цитирует у Ивана Алексеевича наш «писатель»:

«Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то «Музыкальная табакерка» – сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алёшка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал «Гавриладиу», произнося всё, что заменено многоточием, полностью. Алёшка осмелился предложить читать и мне, – большой гонорар, говорит, дадим».

Так ведь эти известные литераторы, чтобы не умереть с голоду, пошли на такое самоунижение. Шли на хлеб насущный зарабатывать, чтобы жизнь свою и своих близких спасти. А Бунин, так тот и на это, несмотря на голод, не пошёл. Хотя, известное дело – нет страшнее чувства для человека, чем когда есть нечего. А ты-то, так и хочется спросить новоявленного «писателя», чего попёрся в этот самый Comedy club? Ведь вот И.А. Бунин не пошёл в «гнуснейший кабак». А ты туда «завалился» именно для того, чтобы про эти самые «сиськи» и «письки», мат да срамные анекдоты послушать. Ах, да, ещё книжку свою подарить. Ну и ожидал, что встретят соответственно – как местную знаменитость. Обласкают и слов сладких наговорят. А оказалось, что никому ты там не нужен. Хоть и человек, как я слышал, далеко не бедный. Вот и обиделся.

Ну да ладно, читаем дальше. К тому же следующая заметка касается непосредственно нас. Приведу сей замечательный документ полностью.

«Сдал свою вещь (рассказ «Пенсия») в журнал «Вертикаль». Сам никогда его не читал. Слышать – слышал, видеть видел, но не читал. А зря. Когда напечатали, **пришлось прочитать от корки до корки. С кем**

буду в соседях. Стало стыдно. Надо было бы всё же вначале почитать то, что называется – «литературный журнал».

Ну уж тут, дорогой читатель, мне писать комментарий – сплошное наслаждение испытывать. Прямо скажу – удружил мне наш «писатель».

И первое – действительно, зачем читать книжки и журналы. Ты же не читатель – писатель. Быть грамотным и начитанным тебе вовсе не обязательно. Оттого и распечатка принесённой в редакцию «вещи» была с огромным количеством ошибок. Даже предложения все сплошь написаны слитно. Такое впечатление, что о правилах пунктуации наш «писатель» слыхом не слыхивал, да просто о существовании таковых не имеет понятия. (В редакции случайно эти несколько листов сохранились – на обороте их, в качестве черновика, распечатан другой материал, и любому желающему сей шедевр «творческой мысли» мы с превеликим удовольствием покажем).

Прочитал я тогда сей текст, посмеялся, да и отбросил его в сторону. Но друг мой попросил – подготовь. Тема социальная, о том, как тяжело оформлять пенсии в современной России даже таким небедным людям, бывшим министрам, как Седов. «Текст крошечный, ты легко его приведёшь в порядок». И я, каюсь, поддался на уговоры, пошёл против редакторской совести. (За что и получил сейчас большое «мерси-с»).

Но, конечно, в том виде, в каком написан текст, его печатать было невозможно. Позвонил автору, сказал, что говорить о публикации можно только после серьёзной редакторской переработки. Тот согласился безоговорочно. Я переписал эту социальную зарисовку (всего-то она в журнале заняла две с половиной странички) и опубликовал в рубрике «Современные нравы» – не в «Прозе».

Не буду пересказывать, как мне от нашего «писателя» звонили секретари и помощники, как просили переслать отредактированный текст, как ждали публикацию. Одним словом – времени, чтобы ознакомиться с журналом, было навалом. Но нет – не превозмог себя, не смог сконцентрировать всю мощь своего непревзойдённого интеллекта, не осилил, не почитал.

Зато потом на нашего героя вдруг снисходит озарение: «Надо было бы всё же вначале почитать то, что называется – «литературный журнал». Знаете, и я того же мнения – надо!!! Тем более, если считаешь себя «писателем».

Но каких соседей, «прочитав от корки до корки» 41-й номер «Вертикали. XXI век» (тут я, дорогой читатель, непременно обращу ваше внимание на фразу «от корки до корки», что обозначает, что судит «писатель» Седов обо всём содержании прочитанного им номера), увидел на журнальных страницах наш герой? Соседство его зарисовки с какими произведениями привело его к столь острому и нестерпимому стыду? Стыду за то, что его «высокое» произведение оказалось осквернённым соседством всё сплошь с неизвестными для него писательскими именами да низкопробными художественными произведениями – повестями Владимира Крупина и народного писателя Якутии Николая Лугинова в переводе замечательных современных прозаиков Петра Краснова и Владимира Карпова. Стихами Николая Заболоцкого (так мы отметили юбилей классика русской поэзии. Впрочем, это для кого-то он классик, а Седову с ним в одном журнале печататься – стыд непереносимый) и поэмой из архива Олега Шестинского, стихами Николая Рачкова, с литературно-критическими статьями Валентина Курбатова и Людмилы Сипко. Ну и далее, далее, далее...

К тому же писатель из Якутии Николай Лугинов заканчивал трилогию о Чингисхане, отрывок из которой и прислал в журнал «Вертикаль». Теперь по этой книге снят фильм, а саму трилогию, как мне сказали, выдвинули на Государственную премию. Но соседство и с таким произведением для Седова – стыд. И правда, что это за труд по сравнению с двумя страничками его «Пенсии»? Абсолютное баловство-с, не иначе.

Как и эссе Валентина Курбатова о военных повестях Виктора Астафьева. Опять же, вы уж извините меня дорогие читатели, но не удержусь, повторюсь, это ж как минимум надо знать прозу Виктора Петровича, книжки и литературные журналы, извиняюсь за грубость выражения, хотя иногда почитывать, а не только в Comedy club захаивать, где анекдоты, мат да про «сиськи и письки» толкуют. Тогда, может, и не так стыдно будет, что с такими писателями, поэтами да критиками в одном журнале публикуешься. Может, даже порадовался бы. А так – один конфуз.

Словом, я понимаю, насколько все эти имена и произведения непривычны «изысканному литературному» слуху нашего «писателя».

Впрочем, не идёт ли эта неприязнь ещё и оттого, что в те времена, когда «писатель» ещё только командовал вещевым рынком (в простонародье – «барахолкой») и не помышлял о творческих взлётах, все перечисленные мною прозаики, поэты, критики уже успели многое сделать в отечественной литературе? Нет ли в его отношении к ним «писательской ревности»?

Ну, право же, не знаю, что и подумать.

Конечно, эти, по праву заслужившие любовь сотен тысяч читателей, писатели и поэты, чьи произведения к тому же переведены на многие языки других народов мира, не знаю, что и почём можно с выгодой купить и перепродать. Оттого-с «цена» их в глазах посетителя Comedy club может оказаться ничтожной, плёвой-с. Я это вполне допускаю. Только тогда хочется у него спросить – какое же это отношение имеет к литературе?

В общем – просто теряюсь в догадках...

Хотя ведь есть у нашего народа такая поговорочка, знаете ли, не совсем приятная, но, честное слово, лучше ведь и придумать невозможно-с: «Не суйся со свиным рылом в калашный ряд». Может, кого и смутил я сей резкостью (впрочем – оговорюсь, оговорюсь, родимые мои – это не я, это всё народец наш, который, видишь ли, тёмный, груб да не образован, в Comedy club не ходит – так какой-с с него спрос?), а попробуй-ка, скажи точнее. Нет, не скажете. Об любой заклад, родимые, бьюсь, что не сыскать вам точнее слов – хоть и грубоватые-с они для изысканного слуха некоторых-с.

Ну, дальше-то я разбирать записи нашего «писателя» не стану. Признаюсь, насмеялся я вволю, а уж далее скучать начну-с. Этого мне, как на духу признаюсь, ну никак не хотелось бы. Уж больно у меня сейчас хорошее настроеньице-с!

Postscriptum.

Посмеяться-то я посмеялся вволю над этими «писательскими» изысканиями, а потом и задумался, когда напомнил самому себе, что, между прочим, сей литератор в 2000-х годах несколько лет был министром культуры Нижегородской области, определял, так сказать, культурную политику региона – какие книги публиковать, какие спектакли финансировать, каких художников поддерживать, кому и какие средства выделять.

В общем – по своему разумению внедрял культурку в тёмные и необразованные народные массы. И всё с таким-то вот изысканнейшим вкусом, с высоты, так сказать, непоколебимого авторитета и незыблемого интеллекта. При этом не уставая повторять, что с самим Никитой Сергеевичем Михалковым на дружеской ноге.

Теперь итоги этого правления мы расхлёбываем... Ну, так чья очередь смеяться?.. И что если не в одной Нижегородской области подобные субъекты похозяйничали в культуре? Что тогда? А вы их всё пугаете, объявляя один год Годом культуры, другой – Годом литературы... Корабль меж тем плывёт ранее проложенным курсом.